

Роберт Ирвин Говард

# Каирн на мысе



# Роберт Ирвин Говард Каирн на мысе

*OCR Денис*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=154239](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154239)*

*Роберт Говард. Гонимые смерти: Северо-Запад; Минск; 1998*

*ISBN 5-7906-0050-0*

*Оригинал: RobertHoward, "Cairn on the Headland"*

*Перевод:*

*Ольга Воейкова*

# Роберт Говард

## Каирн на мысе

Рассказ рыбака:

«...В следующее мгновение этот здоровенный рыжий безумец принялся трясти меня, как собака крысу. "Где Мэв Мак-Доннал?" – заорал он. Клянусь всеми святыми, любой напугался бы не на шутку, повстречавшись в полночь в безлюдном месте с сумасшедшим, которому вздумалось разыскать женщину, скончавшуюся триста лет назад».

\* \* \*

– Вот каирн, который ты хотел найти, – сказал я и осторожно прикоснулся рукой к одному из шероховатых камней, из которых было сложено возвышение, поражавшее симметричностью формы.

В темных глазах Ортали вспыхнул алчный огонек. Он осмотрелся по сторонам, а затем взгляд его вновь остановился на высокой пирамиде из массивных валунов.

– Что за странное дикое безлюдное место! – проговорил он. – Кто бы мог предположить, что в этих краях отыщется уголок, подобный этому? Кроме дыма, вздымающегося в небо вон в той стороне, нет ни малейших признаков того, что рядом с этим мысом раскинулся огромный город. Здесь

совсем пусто, нет даже рыбацких лачуг.

– Здешние жители на протяжении многих веков обходили этот каирн стороной, – ответил я.

– Почему?

– Ты уже спрашивал меня об этом, – раздраженно бросил я. – Могу сказать лишь одно: теперь они делают это по привычке, а раньше руководствовались знанием.

– Знанием! – с презрительным смехом воскликнул он. – Все это суеверия!

Я бросил на него злобный взгляд, не пытаясь скрыть своей ненависти. Пожалуй, трудно сыскать на свете двух людей, которые рознились бы меж собой сильнее, чем мы с Ортали. Он отличался хладнокровием и стройностью фигуры, его темные глаза и изысканность манер явственно указывали на то, что он ведет свое происхождение от древних римлян. А я такой же здоровенный и неуклюжий, как медведь, у меня холодные синие глаза и встрепанная рыжая шевелюра. Мы родились в одной и той же стране и потому считались соотечественниками, но земли наших предков были так же далеки друг от друга, как север и юг.

– Все это суеверия северян, – повторил он. – Люди, принадлежащие к романской группе народов, ни за что не стали бы мириться на протяжении стольких лет с неразгаданной тайной. Они слишком практичны для этого, слишком прозаичны, если угодно. А ты уверен в правильности датировки возникновения этого каирна?

– Я не нашел упоминаний о нем ни в одном из манускриптов, созданных ранее 1014 года нашей эры, – ворчливым тоном ответил я, – а ведь я ознакомился с текстами всех сохранившихся рукописей в оригинале. Мак-Лиаг, придворный поэт короля Брайена Бору, рассказывает о каирне, возведенном сразу после окончания битвы, и можно с уверенностью полагать, что он имеет в виду именно это сооружение. Краткое упоминание о нем имеется и в поздних хрониках Четырех Магистров, а также в Лейнстерской Книге, созданной в конце пятидесятих годов двенадцатого века, и в Книге из Лекана, написанной Мак-Фирбисом примерно в 1416 году. Все авторы связывают возникновение каирна с битвой при Клонтарфе, но ничего не говорят о причине его появления.

– Ну а что же тут такого загадочного? – спросил он. – Что странного в том, что потерпевшие поражение норманны соорудили каирн над телом одного из великих воителей, погибших в бою?

– Во-первых, – ответил я, – в возникновении каирна все же есть нечто таинственное. Обычай, согласно которому над телом усопших возводились каирны, существовал среди скандинавских племен, а не среди ирландцев. Но летописцы утверждают, что это сооружение воздвигли не норманны. Как они могли сделать это, поспешно отступая под натиском противника, который оттеснил их к самым воротам Дублина? Тела их предводителей так и остались на поле брани и стали добычей воронов. А эта пирамида из камней была сло-

жена руками ирландцев.

– Ну так что же в этом удивительного? – продолжал упорствовать Ортали. – В былые времена ирландские воины, отправляясь на битву, складывали камни в кучу, причем каждый из них должен был положить по одному, а по окончании сражения оставшиеся в живых брали из нее по камню, и таким образом любой, кому вздумалось бы подсчитать, сколько камней осталось, мог без особого труда установить количество погибших.

Я покачал головой.

– Ирландцы поступали так в более древние времена, задолго до битвы при Клонтарфе. Вдобавок в ней участвовало свыше двадцати тысяч воинов, из которых погибло около четырех тысяч. Этот каирн слишком мал, он не мог послужить для подсчета погибших в сражении. Да и форма у него строго симметричная. За прошедшие века из него не выпало ни одного камня. Нет, под ним явно скрыто что-то необычное.

– Все это суеверия северян! – снова возразил он, презрительно усмехаясь.

Его ехидство вконец вывело меня из терпения, и я воскликнул в ярости:

– Что ж, если хочешь, можешь считать это суевериями! (Он невольно отступил на шаг назад, рука его скользнула в карман пальто.) Мы, обитатели Северной Европы, верили в существование богов и демонов, по сравнению с которыми хилые персонажи мифологии народов юга кажутся

жалкими и невзрачными. В то время как твои предки нежились на шелковых подушках среди осыпающихся мраморных столпов гибнущей цивилизации, мои прародители создавали другую, свою цивилизацию, терпя невзгоды и вступая в жестокие битвы с врагами, принадлежавшими и не принадлежавшими к роду человеческому.

Здесь, на этой равнине, Эпохе Мрака наступил конец, и свет новой эры забрезжил над миром, в котором доселе царили хаос и ненависть. Здесь, как известно даже тебе, в 1014 году Брайену Бору и его воинам из рода Дал Кае, вооруженным боевыми топорами, удалось навеки избавить родину от засилья норманнских язычников, безжалостных грабителей, не признававших никаких законов и препятствовавших развитию цивилизации на протяжении многих веков.

Это противостояние отнюдь не сводилось к борьбе между норманнами и кельтами за ирландскую корону, здесь решался вопрос о том, кто победит, Пресветлый Иисус Христос или Один, христиане или язычники. В этих краях находился последний оплот язычников, сторонников прежних жестоких обычаев. На протяжении трех столетий народы мира страдали под гнетом викингов, и здесь, при Клонтарфе, их господству был раз и навсегда положен конец.

Раньше, как, впрочем, и теперь, значение этой битвы недооценивалось рафинированными писателями и историками Рима и стран, подвергшихся романизации. Утонченных, склонных к упражнениям в софистике жителей бла-

гоустроенных городов юга не интересовали сражения между варварами, происходившие на далекой северо-западной окраине мира, – даже названия этих мест и народов, которые вели меж собой борьбу, были плохо им известны. Они заметили лишь то, что вселявшие ужас в сердца обитателей побережья налеты повелителей морей внезапно прекратились, а по прошествии еще одного столетия жуткие события эпохи грабительских кровопролитных войн оказались преданы забвению, и все потому, что люди, не отличавшиеся изысканностью манер и прикрывавшие наготу лишь обернутыми вокруг бедер волчьими шкурами, люди, которых нельзя было назвать высокоцивилизованными, восстали против гнета завоевателей.

И тогда пробил час Рагнарека, гибели богов! Именно здесь Одина настигла смерть, ведь верованиям в него был нанесен сокрушительный удар. Он оказался последним из языческих богов, которым удалось сохранить свое влияние, несмотря на распространение христианства, и в течение некоторого времени казалось, что его приверженцы смогут одержать верх в борьбе и в мире вновь восторжествуют дикие свирепые обычаи. В легендах говорится, что до битвы при Клонтарфе он нередко спускался на землю, являясь взорам тех, кто ему поклонялся. Неясные очертания его фигуры мелькали среди клубов дыма, вздымавшегося над жертвенниками, на которых погибали, исходя криком, несчастные, обреченные на заклятие. Порой можно было заметить, как



он несется по небу, оседлав изодранные вихрями в клочья облака, и его спутанные волосы развеваются на ветру, а иногда он появлялся в образе норманнского воителя и принимал участие в битвах, названия которых нам неизвестны, сражаясь в первых рядах и нанося сокрушительные удары противникам. Но после сражения при Клонтарфе никто его больше не видел, и все призывы его приверженцев, творивших колдовские заклинания и приносивших ему кровавые жертвы, оказались напрасными. И они утратили веру в бога, который не пришел им на помощь в самый тяжкий час, их жертвенники постепенно разрушились, жрецы состарились и умерли, и люди уверовали в восторжествовавшего над ним Пресветлого Иисуса Христа. Жестокая кровопролитная эра, когда миром правили беспощадные властители морей, закончилась, и сквозь мглу Эпохи Мрака постепенно начали пробиваться лучи восходящего солнца, и люди позабыли об Одине, который перестал появляться на земле.

Да-да, смейся сколько угодно! Но кто знает, что за чудовищные создания могли возникнуть среди черных северных фьордов, где завывают холодные ветра, где царит холод и мрак? Обитатели южных краев, где сияет солнце и цветут цветы, живущие под приветливыми синими небесами, склонны насмеяться над демонами. Но кто из северян посмеет с уверенностью отрицать существование злых духов, таящихся во тьме свирепствующих бурь? Вполне возможно, что именно вера в безжалостных богов – таких, как Один,

Тор и их сородичи.

Ортали немного помолчал, как будто мои страстные речи повергли его в некоторую растерянность, а затем рассмеялся.

– Прекрасно сказано, мой милый философ из северных краев! Как-нибудь в другой раз мы еще поспорим на эту тему. Я, конечно же, предполагал, что потомку северных варваров могут оказаться свойственны склонность к мистицизму и фантазерству, присущие его соплеменникам. Но ты напрасно надеялся переубедить меня с помощью своих выдумок. Я по-прежнему считаю, что под этим каирном скрыто тело одного из норманнских воителей, а отнюдь не какая-то страшная тайна, и твои бредовые рассуждения о дьявольских порождениях севера не имеют к нему никакого отношения. Ты поможешь мне разобраться это сооружение?

– Нет, – кратко ответил я.

– Потребуется всего лишь несколько часов, чтобы извлечь то, что погребено под камнями, – продолжал он, словно не услышав моего ответа. – Да, кстати о суевериях, вроде бы есть какая-то нелепая сказка, согласно которой между этим каирном и падубами существует некая связь?

– В древней легенде повествуется о том, что все заросли падуба на расстоянии лиги от этого возвышения были вырублены по какой-то загадочной причине, – мрачным тоном ответил я. – Тут кроется еще одна тайна. Ветви падуба играли важную роль в колдовских ритуалах норманнов. А в Книге Четырех Магистров рассказывается о том, как жите-

ли этих мест убили белобородого старика-скандинава весьма дикого вида, который явно был жрецом культа Одина, когда тот попытался возложить ветвь падуба на каирн спустя год после битвы.

– Ну что ж, – со смехом проговорил Ортали, – я раздобыл веточку падуба – видишь? – и непременно продену ее в петлицу; возможно, она защитит меня от твоих кровожадных северных демонов. Теперь я с еще большей уверенностью, чем прежде, полагаю, что здесь погребен один из властителей морей, а ведь вместе с ними в могилах хоронили и принадлежавшие им драгоценные предметы: золотые чаши, мечи с самоцветами на рукоятях, серебряные доспехи. Я убежден, что под этим нагромождением камней, об которое на протяжении веков спотыкались неуклюжие ирландские крестьяне, жившие в нужде и голоде, лежат сокровища. Ха! Мы вернемся сюда около полуночи, ведь в такое время нам наверняка никто не помешает, и ты поможешь мне произвести раскопки.

Он произнес последнюю фразу таким тоном, что в душе моей взметнулась волной ярость и перед глазами у меня все подернулось красной дымкой. Продолжая говорить, Ортали повернулся и принялся осматривать каирн, а я, повинувшись безотчетному порыву, протянул руку и подобрал осколок с острыми зазубринами, отколовшийся от одного из валунов. В то мгновение я, как никто другой на свете, был близок к тому, чтобы совершить убийство. Одним стремительным

бесшумным движением я мог нанести мощный удар и избавиться от гнета, казавшегося мне более тяжким, чем тот, что довлел над моими предками-кельтами, жившими под игом викингов. Словно догадавшись о моих намерениях, Ортали внезапно повернулся лицом ко мне. Я поспешно спрятал камень в карман. Не знаю, заметил он, как я это сделал, или нет. Но, видимо, он все понял по моему взгляду, пылавшему жаждой убийства: он снова отступил на шаг назад, и рука его потянулась к скрытому под полой пальто револьверу.

Впрочем, сказал он лишь следующее:

– Я передумал, сегодня мы не станем заниматься раскопками. Кто-нибудь мог выследить нас. Отложим, пожалуй, все это до завтра. А сейчас мне хотелось бы вернуться в гостиницу.

Я ничего не ответил, повернулся спиной к нему и, пребывая в мрачности, побрел по направлению к берегу. Он начал подниматься по склону холма, направляясь в ту сторону, где находился город. В тот момент, когда я оглянулся, он оказался на его вершине, очертания его фигуры четко вырисовывались на фоне подернутого дымкой неба. Если бы одной ненависти к человеку было достаточно для того, чтобы убить его, он тут же упал бы замертво. Я смотрел на него сквозь красную пелену, застилавшую мне глаза, чувствуя, как кровь пульсирует у меня в венах на висках, отдаваясь в ушах стуком, подобным грохоту молота.

Я повернулся спиной к морю и резко остановился. Мрач-

ные мысли на некоторое время целиком поглотили мое внимание, и я заметил, что передо мной стоит женщина, лишь оказавшись в нескольких футах от нее. Она отличалась высоким ростом и крепким телосложением; ее суровое, обветренное, как здешние холмы, лицо, черты которого свидетельствовали о силе характера, покрывали глубокие морщины. Наряд ее показался мне несколько странным, но я не придавал этому особого значения, так как знал, что многие из ирландцев, живущих в глуши, одеваются весьма своеобразно.

– И что же ты делаешь здесь, возле каирна? – проговорила она грудным полнозвучным голосом.

Я изумленно воззрился на нее: она обратилась ко мне по-гэльски, и хотя в самом этом не было ничего странного, язык, на котором она говорила, отличался архаичностью, а мне казалось, что в устной речи его давно уже никто не использует и им владеют лишь ученые-филологи. "Наверное, это обительница отдаленных горных краев, – подумал я, – жители которых до сих пор говорят на языке древних предков, сохранившемся во всей своей первозданности".

– Мы гадали о том, какая тайна погребена под ним, – ответил я на том же языке, слегка запинаясь: хотя я в совершенстве владел гэльским в той форме, в которой его преподают в учебных заведениях, мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы достойным образом ответить ей, соблюдая все правила, присущие древнегэльскому языку.

Она степенно покачала головой.

– Мне не понравился темноволосый мужчина, который приходил с тобой, – хмурясь, проговорила она. – А кто ты такой?

– Я – американец, хотя родился и вырос здесь, – ответил я. – Меня зовут Джеймс О'Брайен.

Ее холодный взгляд вспыхнул странным светом.

– О'Брайен? Значит, мы с тобой принадлежим к одному и тому же клану. Моя девичья фамилия – О'Брайен. Я вышла замуж за человека из клана Мак-Донналов, но душе моей всегда были ближе те, с кем меня связывает кровное родство.

– Вы живете где-то неподалеку отсюда? – спросил я, продолжая размышлять о том, почему у нее такой необычный выговор.

– О да, в свое время я жила в этих краях, – ответила она, – но мне давно уже не приходилось здесь бывать. Я вижу, как сильно тут все изменилось. Я вернулась сюда, откликнувшись на зов, природа которого непостижима для тебя. Скажи, ты хочешь разобрать каирн?

Я вздрогнул и пристально посмотрел на нее, но затем решил, что она, скорей всего, каким-то образом подслушала наш разговор с Ортали.

– С моими желаниями никто не считается, – с горечью сказал я. – Мой спутник Ортали непременно сделает это, и мне придется помочь ему. Но, будь моя воля, я не притронулся бы к этим камням.

Казалось, ее холодному взору открылась вся подноготная

моей души.

– Глупец, чьи глаза слепы, всегда готов устремиться на встречу собственной гибели, – мрачным тоном проговорила она. – Что известно этому человеку о тайнах, которые хранит наша древняя земля? Здесь произошли события, весть о которых отозвалась эхом во всем мире. В давние времена, когда деревья Томарского леса еще темнели, шелестя листвою, рядом с равниной Клонтарф, а на южном берегу реки Лиффи высились стены норманнского города Дублин, наступил день, когда лучи заходящего солнца осветили моря пролившейся здесь крови и вороны закружили тучами над телами павших на поле брани. В тот день король Брайен, наш с тобой предок, сломил боевую мощь норманнов, обрушивавшихся с набегами на эти берега. Среди них были выходцы из разных уголков материка и с островов, затерянных среди морей; их кольчуги сверкали холодным блеском, а увенчанные рогами шлемы отбрасывали длинные тени, ложившиеся на землю. Носы их кораблей, бороздивших морские просторы, украшали резные фигуры драконов, а плеск их весел был подобен шуму бури.

На этой равнине поверженные герои падали на землю, словно колосья спелой пшеницы под серпом жнеца. Здесь нашел свою смерть Ярл Сигурд Оркнейский, Бродир, правитель острова Мэн, последние из властителей морей, и все, кто командовал их бойцами. Погибли здесь и принц Муррог, и сын его Турлог, и многие из предводителей ирландских

войск, и сам король Брайен Бору, величайший из монархов Эрин.

– Воистину так! – События, о которых повествовалось в преданиях старины, где я родился, неизменно вызывали горячий отклик в моей душе. – Здесь пролилась кровь моих сородичей, и хотя я провел большую часть жизни в далеких краях, кровные узы, связывающие меня с этой страной, нерушимы.

Она неспешно кивнула и извлекла из-под складок одежды какой-то предмет, на миг блеснувший в лучах закатного солнца.

– Возьми, – промолвила она, – ты можешь владеть им по праву родства, и я передаю его тебе. Я чую приближение невероятных страшных событий, но оно оградит тебя от любых бед и от злокозненных порождений мрака. В нем заключена великая святая сила, непостижимая для человеческого разума.

Я с трепетом принял предмет, который она протянула мне, и увидел, что это распятие из золота, украшенное причудливой узорной чеканкой и крошечными драгоценными камнями, изготовленное, вне всякого сомнения, в давние времена кельтскими мастерами. В памяти моей пробудились смутные воспоминания о реликвии, утраченной несколько столетий назад, упоминания о которой встречались в некоторых манускриптах, созданных безвестными монархами.

– Боже милостивый! – воскликнул я. – Но ведь это... мне



кажется... неужели это и есть распятие, принадлежавшее некогда святому блаженному Брэндону?

– О да, – ответила она, сопроводив свои слова величественным кивком. – Это крест святого Брэндона, творение осененного благодатью праведника, созданное задолго до того, как скандинавским варварам удалось превратить Эрин в адское пекло, в те дивные времена, когда обитатели этих краев жили в мире и святости.

– Помилуйте! – с горячностью воскликнул я. – Как же я смогу принять его в дар? Вы, видимо, не представляете себе, сколь велика ценность этого предмета. Само по себе это изделие стоит целого состояния, но вдобавок ко всему прочему оно является реликвией...

– Остановись! – услышался ее полновзвучный голос, и я тут же умолк. – Подобные речи кощунственны. Крест святого Брэндона не имеет цены. Его передавали в дар из поколения в поколение, эта святыня никогда не подвергалась осквернению и не служила предметом купли-продажи. Я передаю тебе этот крест, дабы он послужил тебе защитой от сил зла. И довольно слов.

– Но ведь на протяжении трех столетий считалось, что он безвозвратно утерян! – воскликнул я. – Каким же образом... откуда?..

– Много лет назад служитель Господа передал его мне, – ответила она, – и я долгое время скрывала его у себя на груди, а теперь вручаю тебе. Ради этого я прибыла сюда из

дальних краев, предчувствуя приближение роковых событий. Это распятие послужит тебе щитом и мечом при столкновении с порождениями мрака. Я ощутила, как древнее злокозненное существо, заключенное в темницу, стены которой может разрушить ослепленный безумец, пришло в движение. Но сила креста святого Брэндона поможет тебе одолеть любое зло, ведь мощь его, возникшая задолго до того, как на землю явилась нечисть, о которой теперь уже никто и не помнит, росла и умножалась на протяжении многих веков.

– Но кто же вы такая? – взволнованно спросил я.

– Мое имя – Мэв Мак-Доннал, – ответила она.

И, не обмолвившись больше ни словом, она пошла прочь, ступая по земле, над которой сгушались сумерки. Застыв в изумлении, я увидел, как она пересекла мыс, направляясь к перешейку, связывавшему его с большой землей, и скрылась за вершиной холма. Через некоторое время я вздрогнул, словно пробудившись ото сна, и тоже начал медленно подниматься по склону, намереваясь покинуть мыс. Добравшись до вершины холма, я словно оказался на границе меж двумя различными мирами: позади остались безлюдные места, где царило запустение, навевавшее воспоминания об эпохе средневековья, а впереди раскинулся освещенный яркими огнями, шумный современный Дублин. В картине, открывшейся моим глазам, присутствовал лишь один штрих, напоминавший о старине: на некотором расстоянии от берега

виднелись причудливые, едва различимые в неясном свете сумерек очертания памятников старинного кладбища, давным-давно заброшенного и заросшего сорняками. Я заметил фигуру высокой женщины, скользившую словно привидение среди разрушающихся надгробий, и озадаченно покачал головой. Наверное, Мэв Мак-Доннал слегка повредилась в рассудке и живет прошлым, пытаясь раздуть пламя их давно прогоревших и обратившихся в пепел углей. Я направился в ту сторону, где виднелись отблески света, отражавшегося в оконных стеклах, постепенно приближаясь к огромному скопищу огней, к Дублину.

Возвратившись в гостиницу, расположенную на одной из его окраин, где остановились мы с Ортали, я не стал рассказывать ему про крест, который отдала мне Мэв Мак-Доннал, решив, что имею право утаить от него хоть это. Я собирался оставить распятие у себя до тех пор, пока она не попросит вернуть его, – я был уверен, что рано или поздно она это сделает. Думая о ней, я ясно представил себе, как она выглядела, и лишь теперь понял, что в ее странном наряде присутствовала одна деталь, которую я подметил машинально, не сразу осознав ее значение. Мэн Мак-Доннал была обута в сандалии, которые жители Ирландии носили несколько столетий назад. А впрочем, при ее увлечении прошлым вполне естественно, что она одевается так, как было принято в эпоху, которая занимает все ее мысли.

Держа распятие в руках, я с благоговением посмотрел на

него. Я ничуть не сомневался в том, что именно оно служило предметом долгих безуспешных поисков, которые вели антиквары. В конце концов, отчаявшись найти этот крест, они сочли его безвозвратно утерянным. Майкл О'Рурк, священник и ученый, в трактате, который датируется примерно девяностым годом семнадцатого века, подробно описал, как выглядит эта реликвия, и изложил множество фактов, связанных с историей ее исчезновения. Согласно его утверждениям, последним из тех, о ком известно, что распятие находилось у него во владении, был епископ Лиав О'Брайен, скончавшийся в 1595 году и передавший его перед смертью одной из своих родственниц. Имя этой женщины установить не удалось, и, по мнению О'Рурка, она тайно хранила у себя этот крест, а затем унесла его с собой в могилу.

При иных обстоятельствах я пришел бы в неопишуемый восторг, обнаружив эту драгоценную реликвию, но в тот день душу мою раздирали ненависть и незатухающая злоба. Положив крест в карман, я погрузился в мрачные размышления об отношениях между мной и Ортали, которые вызывали недоумение у моих друзей, но, по сути своей, были не такими уж и сложными.

Некоторое время назад я жил, влача жалкое существование и обучаясь в одном из крупных университетов. Один из профессоров, под чьим началом я трудился, человек по фамилии Рейнольдс, имел привычку самым оскорбительным образом обращаться с теми, кто, по его мнению, не был ему

ровней. Мне же, как и любому нищему студенту, приходилось напрягать все силы, чтобы выжить в рамках системы, предельно осложнявшей существование будущих ученых. Я долго терпел оскорбления профессора Рейнольдса, но однажды между нами все же произошла стычка по причине весьма тривиальной и не имевшей особого значения. Мне надоели издевательства Рейнольдса, и я огрызнулся. Он ударил меня, я нанес ответный удар, и он потерял сознание.

В тот же день по его требованию меня исключили из университета. Понимая, что моему обучению пришел конец, что все мои труды пошли прахом и мне грозит голодная смерть, я впал в отчаяние и поздно вечером отправился к Рейнольдсу, намереваясь вытрясти из него всю душу. Кроме него, в кабинете никого не оказалось, но стоило мне переступить через порог, как он тут же вскочил с места и ринулся ко мне словно дикий зверь, схватив кинжал, который он использовал как пресс-папье. Я не нанес ему ни одного удара, я даже пальцем к нему не притронулся, но когда я отступил в сторону, пытаясь увернуться, маленький коврик, на который он ступил на бегу, выскользнул у него из-под ноги. Он рухнул на пол лицом вниз, и, к моему ужасу, кинжал, который он держал в руке, вонзился прямо ему в сердце. Он мгновенно скончался. Я сразу же понял, чем чревато для меня создавшееся положение. Окружающие знали о том, что мы с Рейнольдсом повздорили и даже подрались. У меня были все причины для того, чтобы ненавидеть его. Если бы кто-нибудь застал меня

в кабинете рядом с его трупом, мне ни за что не удалось бы доказать на суде, что я не убивал его. Я послушно ушел тем же путем, каким явился, полагая, что меня никто не заметил. Но меня видел Ортали, секретарь покойного. Возвращаясь с танцев, он заметил, как я входил в дом, и решил проследить за мной. Подсматривая в окошко, он оказался свидетелем разыгравшейся в кабинете сцены. Но я узнал об этом лишь через некоторое время.

Труп обнаружила экономка профессора, и, естественно, поднялся большой переполох. Подозрение пало на меня, но из-за недостатка улик мне не смогли предъявить обвинение, и по той же самой причине был вынесен вердикт, гласивший, что Рейнольдс покончил с собой. До тех пор, пока разбирательство не закончилось, Ортали никак не проявлялся, а затем пришел ко мне и объявил о том, что ему известно. Разумеется, он знал, что я не убивал Рейнольдса, но он мог заявить, что я находился в кабинете в тот момент, когда профессора постигла смерть. Он пригрозил, что скажет под присягой, будто видел собственными глазами, как я хладнокровно прикончил Рейнольдса, и я понял, что он способен выполнить свою угрозу. С тех пор он постоянно шантажировал меня.

Следует отметить, что шантаж этот носил крайне необычный характер. У меня не было ни гроша за душой, но Ортали делал ставку на будущее, зная о моих способностях. Он одолжил мне денег и, умело используя свои связи, добился того,

чтобы меня взяли на работу в один из крупных колледжей, а затем, умыв руки, принялся пожинать плоды своих махинаций. Жатва оказалась весьма и весьма обильной. Я добился больших успехов в своей области. Вскоре я стал получать огромных размеров зарплату, а также всяческие денежные награды за открытия, сделанные в ходе различных трудоемких изысканий. Львиную долю денег забирал себе Ортали, я вынужден был довольствоваться лишь славой. Я словно обрел дар Мидаса, но мне доставались лишь жалкие крохи богатств, которые приносили мои достижения.

Я остался почти таким же нищим, как и прежде. Деньги, которые текли ко мне рекой, служили лишь для обогащения поработившего меня, никому не известного Ортали. Он обладал неисчислимыми талантами и мог бы достигнуть невероятных высот на любом поприще, но какой-то душевный изъян и чудовищная алчность привели к тому, что он превратился в паразита, в кровожадную пиявку.

Наша поездка в Дублин была для меня чем-то вроде отпуска. Мне понадобилось отдохнуть, так как исследования и работа в колледже сильно меня утомили. Но Ортали где-то прослышал о каирне Гриммин – так он назывался – и, словно почуявший запах падали стервятник, устремился на поиски таинственных сокровищ. Он вполне бы удовлетворился, обнаружив под камнями хоть одну золотую чашу, и полагал, что ради этого вполне можно осквернить и даже разрушить памятник древности. Этот мерзавец поклонялся лишь одно-

му богу – Маммоне.

"Ну что ж, – мрачно подумал я, раздеваясь перед тем, как улечься в постель, – всему рано или поздно приходит конец, и хорошему, и плохому. Жить так, как я жил все это время, больше невозможно. Ортали так долго пугал меня виселицей, что я утратил всякий страх перед ней. Из любви к работе я нес свое тяжкое бремя, терпя мучения. Но терпение любого человека не безгранично". Руки мои невольно сжались в кулаки, когда я подумал о том, что мы с Ортали окажемся один на один в полночный час возле заброшенного каирна. Один удар, нанесенный таким же камнем, как тот, что я подобрал сегодня, и я избавлюсь от мучений. Конечно, при этом мне придется расстаться с надеждами, с мыслью о карьере и даже с жизнью, но тут уж ничего не поделаешь. Ах, скольким дивным мечтаниям не суждено сбыться! Деятельность моя была почетной и приносила пользу, и все же в жизни моей неминуемо наступит момент, когда петля, накинута палачом мне на шею, затянется, и я погружусь во мрак забвения. А виной всему злодей-вампиры, который высосал из меня все соки, а теперь толкает меня на убийство, которое приведет меня к гибели.

Впрочем, я знал, что не смогу избежать участи, предначертанной на скрижалях неумолимой судьбы. Рано или поздно Ортали непременно выведет меня из равновесия, и я убью его, невзирая на все последствия. Я дошел до последней черты. Пожалуй, все эти бесконечные терзания привели к тому,



что рассудок мой помутился. Я понимал, что в ту ночь, когда мы с Ортали примемся вдвоем разбирать каирн Гриммин, жизнь его окажется у меня в руках, а после этого моя собственная пойдет насмарку.

Что-то выпало у меня из кармана, и, наклонившись, я увидел зазубренный осколок камня, который подобрал возле каирна. В унынии глядя на него, я задумался о том, чьи руки прикасались к нему в незапамятные времена и что за мрачная тайна скрыта под возвышением на пустынном мысу Гриммин. Выключив свет, я лег, продолжая держать в руке камень, но вскоре позабыл о нем и в наступившей темноте стал с грустью размышлять о своей несчастной судьбе, а затем начал постепенно погружаться в глубокий сон.

Поначалу, как это нередко бывает, я отдавал себе отчет в том, что грежу. Я понимал, что неясные образы, возникавшие у меня перед глазами, каким-то удивительным образом связаны с осколком камня, который до сих пор покоился в моей неподвижной руке. Грандиозные картины бурных событий, беспорядочные обрывки сцен, разыгрывавшихся на фоне разнообразных пейзажей, стремительно проносились передо мной, словно клочья облаков, мчащихся по небу под порывами штормового ветра. Но через некоторое время эти видения приобрели упорядоченность, и взору моему открывалась панорама знакомой мне местности, выглядевшей, впрочем, крайне необычно. Передо мной раскинулась широкая голая равнина, окаймленная с одной стороны серыми

водами моря, а с другой – темной полосой наполненного шорохами леса. Равнину пересекала извилистая река, а за ней высились стены города, подобных которому мне никогда не доводилось видеть наяву: массивные, сурового вида, полностью лишенные каких-либо украшений строения явно принадлежали к архитектуре иной, значительно более ранней эпохи. Словно сквозь дымку тумана я увидел, что на равнине происходит грандиозная битва. Бойцы, сомкнув ряды, то устремлялись в наступление, то отступали; блеск доспехов слепил глаза, словно солнечные блики, играющие среди морских волн, и поверженные воины падали на землю подобно колосьям спелой пшеницы. Разгоряченные бойцы в одежде из волчьих шкур, вооруженные боевыми топорами, сражались с высокими ратниками в блестящих латах и увенчанных рогами шлемах, глаза которых отливали, словно море, холодной синевой. А затем я увидел самого себя.

Да-да, в том сне мне удалось взглянуть как бы со стороны на самого себя. Передо мной появился высокий, мощного телосложения человек со встрепанными волосами, чью наготу прикрывала лишь обернутая вокруг бедер волчья шкура, который бежал вперед вместе с другими бойцами, громко крича и размахивая окровавленным боевым топором, и этим человеком был я. По моему израненному телу струилась кровь, но я почти не ощущал боли. Глаза мои сияли холодной синевой, а всклокоченные волосы и борода были ярко-рыжими.

Поначалу я сознавал, что личность моя как бы раздвоилась, и я являюсь одновременно и неистовым воином, размахивающим на бегу окровавленным боевым топором, и тем, кому пригрезились во сне события давно минувших времен. Но ощущение это вскоре пропало, и я полностью перевоплотился в древнего варвара, наносившего на бегу удары направо и налево. Джеймс О'Брайен как бы вовсе исчез, я стал Рыжим Кумалом, бойцом из войска Брайена Бору, сжимавшим в руках топор, обогранный кровью врагов.

Шум битвы начал затихать, хотя разрозненные группы противников еще продолжали сражаться на равнине. Растянувшиеся вдоль реки полуобнаженные ирландцы, стоя по пояс в покрасневшей от крови воде, громили облаченных в доспехи и шлемы ратников, чьи кольчуги оказались плохой защитой от ударов боевых топоров, которые наносили воины из клана Дал Кае. А за рекой обратившиеся в бегство израненные норманны беспорядочно отступали к воротам Дублина.

Заходящее солнце стояло низко над горизонтом. Я провел весь день, сражаясь бок о бок с прославленными военачальниками, и видел, как принц Муррог сразил насмерть ударом меча Ярла Сигурда. Но и принц Муррог погиб у меня на глазах в тот момент, когда победа была уже близка, поверженный суровым великаном в доспехах, имени которого никто не знал. А когда неприятель уже обратился в бегство, Бродир и король Брайен пали в бою у самого входа в шатер великого

монарха.

О да, в тот день воронье поживилось на славу, обильные потоки крови обагрили землю, и я понял, что больше никогда в краях этих не появятся боевые корабли, носы которых украшали резные фигуры драконов, и норманны, чьей родиной был окутанный синей дымкой север, не посмеют больше сеять здесь разрушение огнем и мечом. Равнина, усеянная телами викингов, облаченных в сверкающие доспехи, походила на поле жатвы, покрытое колосьями спелой пшеницы, срезанными серпом жнеца. И хотя здесь же пали тысячи ирландцев, одетых в волчьи шкуры, северяне понесли куда более тяжелые потери, чем защитники Эрин. Я почувствовал усталость, запах крови вызывал у меня тошноту. Владевшая мной жажда уничтожения отступила, на смену ей пришла мысль о добыче. Отправившись на поиски, я заметил неподалеку от морского берега тело одного из норманнских вождей в богатых доспехах. Я сорвал с него серебряные латы и рогатый шлем. Они пришлись мне точно впору, и я побрел прочь, переступая через трупы и призывая своих соплеменников полюбоваться мной, хоть и чувствовал себя в подобном наряде довольно-таки странно, ведь кельтам чужд обычай скрывать тело под броней, и они сражаются полуобнаженными.

Перемещаясь с места на место в поисках добычи, я отошел на значительное расстояние от реки, но и здесь было немало трупов, одетых в латы воинов, ведь после того, как

нам удалось прорвать ряды противника, обратившиеся в бегство бойцы и те, кто их преследовал, рассыпались по всей равнине, от темного колышущегося Томарского леса до берегов реки и моря. Оказавшись на обращенном к морю склоне холма на мысу Друмна, верхушка которого скрывала от меня и равнину Клонтарф, и город, я внезапно увидел умирающего воина, высокого, могучего, закованного в серую броню, прикрытую складками большого темного плаща. Он распростерся на земле, откинув в сторону мускулистую правую руку, а рядом лежал сломанный меч. Во время боя рогатый шлем слетел с его головы, и налетевший с запада ветер ерошил его спутанные волосы.

Одна из глазниц зияла пустотой, а его единственный глаз сверкал, подобно Северному морю, мрачным блеском, хотя взгляд его уже начал стекленеть с приближением смерти. Из дыры в доспехах струилась кровь. Я с опаской подошел поближе: какой-то непонятный, леденящий душу страх охватил меня. Держа наготове боевой топор и намереваясь при первых признаках опасности раскроить ему череп, я склонился над ним и признал в нем военачальника, от чьей руки пал принц Муррог, чей смертоносный меч принес погибель множеству сынов Эрин. Там, где сражался он, норманнам неизменно удавалось взять верх над противником, но на других участках поля боя победу одерживали кельты.

Он заговорил, обратившись ко мне на языке норманнов, и слова его были мне понятны, ведь я провел немало горьких

лет среди морских разбойников, угодив к ним в рабство.

– Победа досталась христианам, – со вздохом проговорил он, и хотя голос его звучал негромко, я, как ни странно, содрогнулся от страха: мне почудился за ним плеск мерзлых волн, бьющихся о берега северных земель, и шорох ледяных ветров, бушующих среди сосен. – Тени сгустились над Асгардом, близится Рагнарек. Я не мог вести бой повсюду одновременно, а теперь мне грозит смерть от страшной раны, нанесенной копьем с изображением креста, выгравированным на наконечнике, – иное оружие не смогло бы причинить мне вреда.

Я догадался, что военачальник, чей взор уже затуманился, увидев мою рыжую бороду и норманнские боевые доспехи, принял меня за своего соплеменника. Но черные щупальца ужаса, проникшего в мою душу, продолжали шевелиться, повергая меня в смятение.

– Но Иисус Христос еще не восторжествовал окончательно, – пробормотал он как в бреду. – Помоги мне приподняться и выслушай меня.

Сам не понимая почему, я выполнил его просьбу. Прикоснувшись к нему, я содрогнулся, по коже у меня побежали мурашки: плоть его походила на слоновую кость, она казалась неестественно твердой, гладкой и нестерпимо холодной, что несвойственно даже тем, кто находится при последнем издыхании.

– Я умираю точно так же, как умирают люди, – пробормо-

тал он. – Я допустил ошибку, приняв человеческое обличье в стремлении помочь тем, кто благоговеет предо мной. Боги бессмертны, но плоть подвержена разрушению, даже если она служит вместилищем божественного духа. Постарайся побыстрее раздобыть где-нибудь веточку волшебного дерева – хотя бы падуба – и положи ее мне на грудь. Даже если она окажется размером хоть с кончик кинжала, я смогу стряхнуть с себя обличье, которое принимаю, когда веду бой с людьми, пуская в ход их собственное оружие, и освободиться от сковывающего меня тела, а затем вновь взмыть в небеса, где клубятся грозовые облака. И тогда страшные беды обрушатся на тех, кто не пожелал склониться предо мной. Поспеши, я буду ждать твоего возвращения.

Голова его с похожей на львиную гриву шевелюрой вновь опустилась на землю. Хотя меня била дрожь, я просунул руку под латы и почувствовал, что сердце его перестало биться. Его постигла кончина, что рано или поздно происходит с каждым из людей, но я знал, что за брэнной оболочкой по-прежнему скрывается дремлющий дух демона, порожденно-го тьмой и холодом.

О да, я узнал его. То был Один, Одноглазый, Седобородый Гримнир, северное божество, превратившееся в воина, чтобы принять участие в битве, сражаясь вместе со своими сторонниками. Но стоило ему принять обличье простого смертного, и он попал в круг ограничений, распространяющихся на людей, как бывало с богами, которые прежде неред-

ко спускались на землю и странствовали по ней, скрываясь под человеческой личиной. Одина, принявшего вид человека, можно было ранить с помощью особого оружия и даже убить, но одно прикосновение веточки чудодейственного падуба позволило бы этому страшному существу возродиться. В этом и заключалась суть задачи, которую он возложил на меня, не разглядев во мне противника; пока он пребывал в образе человека, восприятие его ограничивалось теми же рамками, что и способности каждого из людей, а с приближением смерти оно вдобавок притупилось.

Волосы у меня встали дыбом, по коже побежали мурашки. Я сорвал с себя норманнские доспехи, борясь с охватившей меня жуткой паникой; мне хотелось кинуться бегом куда глаза глядят и мчаться по равнине, громко вопя от ужаса. Меня тошнило от страха, но все же я насобирал камней и соорудил из них некое подобие ложа, а затем, содрогаясь от отвращения, перенес и опустил на него тело божества, которому поклонялись норманны. Солнце зашло, в тихом небе засияли звезды, а я по-прежнему лихорадочно трудился, возводя над мертвым телом пирамиду из валунов. На мыс забрели некоторые из моих соплеменников, и я поведал им о том, что за существо я пытаюсь похоронить здесь – хотелось бы верить, что навеки, – и они, борясь со страхом, принялись помогать мне. Никогда ветвь падуба не должна коснуться груди Одина. Пусть этот северный демон, о котором позабудут те, кто прежде жил в мучениях под железной его пятой, покоится



здесь, под нагромождением из валунов, до тех пор, пока трубы не возвестят о наступлении Судного Дня. Впрочем, памяти о нем в какой-то мере суждено было сохраниться, ведь пока мы трудились, один из моих сотоварищей сказал:

– Отныне мыс, носивший прежде имя Друмна, станут называть мысом Седобородого Гримнира.

Когда прозвучали эти слова, связь между тем, кого я видел во сне, и тем, кем он являлся на самом деле, восстановилась. Я резко пробудился ото сна и воскликнул:

– Мыс Седобородого Гримнира!

Затем я растерянно огляделся по сторонам. Обстановка в комнате, неярко освещенной звездами, сиявшими за окном, показалась мне странной и непривычной, но постепенно я освоился с внезапной переменой места и времени.

– Мыс Седобородого Гримнира, – повторил я. – Гримнир... Гриммин... Мыс Гриммин! Боже милостивый, так вот что скрыто под возвышением!

Эта догадка потрясла меня. Вскочив с постели, я вдруг заметил, что все еще держу в руке осколок одного из камней, из которых был сложен каирн. Как известно, неодушевленные предметы обладают свойством сохранять эзотерическую связь с событиями далекого прошлого. Однажды женщина-медиум, которой дали подержать круглый камешек с Иерихонской равнины, погрузилась в состояние транса и подробно описала возникшую у нее в мозгу картину, рассказав о том, как происходила осада города и битва, в ходе ко-

торой были разрушены его стены. Я нимало не сомневался в том, что этот осколок подействовал на меня как своего рода магнит, и в сознании моем всплыли из подернутой туманом глубины веков эпизоды моей прошлой жизни.

Потрясение, которое я испытал, невозможно описать словами, ибо между этой поразительной историей и теми неясными тревожными ощущениями, которые возникали в глубине моей души, когда я думал о каирне, имелось четкое соответствие, не позволявшее мне счесть все увиденное просто на редкость ярким сном. Мне очень захотелось выпить стаканчик вина, и я вспомнил о том, что Ортали всегда держал у себя в комнате бутылку с вином. Я торопливо накинул на себя что-то из одежды, прошел по коридору и уже было протянул руку, намереваясь постучаться в номер к Ортати, но тут заметил, что дверь в него слегка приотворена, как будто ее позабыли плотно закрыть. Переступив через порог, я включил свет и увидел, что комната пуста.

Я понял, что произошло. Ортали не доверял мне и побоялся оказаться посреди ночи наедине со мной в пустынном месте. Он решил схитрить и сказал, что мы наведаемся на мыс в другой раз, а сам потихоньку отправился туда.

При мысли о том, к чему может привести разрушение каирна, меня охватил панический ужас, и на время я позабыл о своей ненависти к Ортали. Я ничуть не сомневался в подлинности того, что открылось мне во сне. Пожалуй, это был даже не сон, а обрывок воспоминаний о моей предыдущей

жизни. Мыс Гриммин – это, конечно же, и есть мыс Седобородого Гримнира, а под сооружением из валунов покоятся останки чудовищного существа, принявшего обличье человека. Я никак не мог надеяться на то, что тело, послужившее вместилищем для нетленного могущественного духа, обратилось в прах за истекшие столетия.

Мне смутно помнится, как я бежал по городу и по его почти безлюдным окраинам. Мне чудилось, будто ночная темнота – это плащ, под которым скрывается жуткое воплощение зла, а просвечивающие сквозь ее завесу красные звезды сверкали, как глаза свирепых, кровожадных зверей, и когда негромкое эхо моих собственных шагов доносилось до меня, я ускорял бег, думая, что какое-то чудовище гонится за мной по пятам.

Огни раскачивающихся фонарей остались позади, я вступил в пределы, подвластные страшным таинственным силам. Неудивительно, что прогресс обошел стороной эти места, не коснувшись мрачного затона, в глубинах которого таились кошмары, порождавшие зловещие видения. И очень хорошо, что почти никто даже не подозревал о его существовании.

Впереди показались неясные очертания мыса, но мной по-прежнему владел страх, и я слегка замешкался. У меня возникло смутное, казавшееся странным желание отыскать старую Мэв Мак-Доннал. Загадочные легенды и предания, окутанные тайной времен, были близки ей, как никому другому, и если бы глупец Ортали, пребывая в ослеплении, вы-

пустил на волю позабытого всеми демона, которому некогда поклонялись обитатели северных краев, она сумела бы помочь мне.

Внезапно я заметил в свете звезд силуэт человека и, кинувшись к нему, чуть не сбил его с ног. Слегка заикаясь, он попытался выразить свое возмущение, говоря с сильным ирландским акцентом. Язык у него заплетался, и я понял, что он изрядно пьян. Передо мной стоял здоровенный рыбак, который явно засиделся где-то в кабаке и теперь возвращается домой. Схватив его за плечи, я принялся изо всех сил его трясти. Глаза мои, в которых отражались отблески звездного света, дико сверкали.

– Я ищу Мэв Мак-Доннал! Знаешь ты такую? Да говори же скорей, олух! Ты знаешь старую Мэв Мак-Доннал?

Услышав мой вопрос, он мигом протрезвел, словно на него опрокинулся ушат с холодной, как лед, водой. Я увидел, как лицо его, на которое падал неяркий звездный свет, побелело; он задергал кадыком, пытаясь совладать со страхом, комком застрявшим в горле, и, приподняв дрожащую руку, осенил себя крестом.

– Мэв Мак-Доннал? Да ты что, спятил? Зачем она тебе понадобилась?

– Отвечай! – завопил я и снова что было мочи затряс его. – Говори, где сейчас Мэв Мак-Доннал?

– Вот там, – выдавил он из себя и указал дрожащей рукой на какое-то сооружение, очертания которого смутно выри-

совывались среди ночной темноты на фоне теней. – Во имя всех святых, сгинь и пропади, будь ты хоть дьявол, хоть безумец, и оставь в покое честного человека! Вон там ты найдешь Мэв Мак-Доннал, там, где ее похоронили триста лет тому назад!

Не вдумавшись толком в его слова, я оттолкнул его, издав взволнованный возглас, и устремился вперед по заросшей сорными травами равнине, слыша, как со спины до меня доносится неровный тяжелый топот обратившегося в бегство рыбака. Пребывая в полуослеплении, вызванном паникой, я помчался, спотыкаясь о корни и увязая ногами в рыхлой, пропахшей плесенью земле, к приземистому сооружению, на которое указал мне рыбак. Меня словно громом поразило, когда я понял, что оказался на старинном кладбище, расположенном на берегу мыса Гриммин, обращенном к большой земле. Накануне я видел, как Мэв Мак-Доннал направилась сюда, а затем вдруг пропала из виду. Очутившись возле самого высокого из надгробий, я подался вперед, испытывая зловещее предчувствие, и попытался разобрать, что гласит высеченная на плите, глубоко врезавшаяся в камень надпись. Ощупывая пальцами контуры букв и цифр, едва видневшихся в слабом свете звезд, я наконец прочел слова, написанные согласно правилам полузабытого гэльского языка, на котором уже триста лет как никто не говорил: «Мэв Мак-Доннал – 1565–1640».

Я громко вскрикнул и с ужасом отшатнулся от надгробия.

Вытащив из кармана подаренное ею распятие, я замахнулся, намереваясь зашвырнуть его куда-нибудь подальше, но тут же замер, словно ощутив прикосновение невидимой руки. Все происшедшее казалось безумным бредом, и все же я не мог сомневаться в том, что Мэв Мак-Доннал действительно явилась ко мне, восстав из могилы, в которой ее останки покоились на протяжении трех столетий, чтобы вручить мне древнейшую реликвию, некогда вверенную ей священнослужителем, который приходился ей родственником. На память мне пришли ее слова, и я тут же вспомнил об Ортали и Седобородом Гримнире. Собравшись с духом, я решил не тратить времени на размышления о событиях куда менее страшных, чем те, которые могли вот-вот произойти, и принялся торопливо взбираться по склону холма, очертания которого проступали на фоне залитого звездным светом неба, направляясь в ту сторону, где простиралось море.

Добравшись до верхушки холма, я увидел черневший в сумраке каирн и фигуру похожего на гнома существа, копошившегося возле него. Ортали, обладавшему удивительной, почти нечеловеческой силой, удалось сдвинуть с места немало валунов. Меня терзали дурные предчувствия, и, подойдя поближе, я увидел, что он уже расчищает последний слой. До меня донесся его торжествующий вопль, и я застыл как вкопанный в нескольких ярдах от него, глядя на то, что происходит у подножия холма. Над каирном возникло зловещее свечение, а в северной части небосклона внезапно вспыхну-

ли во всей своей ужасающей красе огни северного сияния, перед которыми померк свет звезд. Каирн лучился каким-то странным светом, и камни походили теперь на слитки холодного мерцающего серебра. Я увидел, что Ортали как ни в чем не бывало отбросил в сторону кирку и, предчувствуя поживу, склонился над проделанным им проемом. Мне удалось разглядеть очертания головы, покоившейся на ложе из камней, которое я, Рыжий Кумал, соорудил своими руками много-много лет назад. Я увидел внушающее трепет неподвижное лицо, наделенное нечеловеческой, повергающей в ужас красотой, лицо существа, лишённого свойственных людям слабостей, неспособного на сочувствие или жалость. Я похолодел от ужаса, заметив, как поблескивает его единственный глаз, оставшийся открытым, придавая некоторую живость чудовищному лику. На гладкой поверхности доспехов, в которые было заковано его огромное тело, играли отблески и вспышки холодного, как лед, огня, подобного северному сиянию, блиставшему в колышущихся небесах. О да, Седобородый Гримнир по-прежнему лежал там, где я оставил его девять столетий назад, и ни ржа, ни тлен не коснулись его.

Когда Ортали наклонился, чтобы как следует осмотреть свою находку, я негромко вскрикнул: веточка падуба, которую он продел в петлицу, демонстрируя свое презрение к "суевериям северян", выскользнула. Каирн был освещен лучами странного света, и я явственно увидел, как она прикоснулась к могучей груди одетого в броню великана и внезапно

ярко вспыхнула, на мгновение ослепив меня. Вслед за моим возгласом послышался крик Ортали. Великан пошевелинулся, могучие руки и ноги пришли в движение, и мерцавшие в темноте камни покатались в разные стороны. Его страшный единственный глаз засиял с новой силой, дыхание жизни коснулось его лица, и черты его утратили прежнюю неподвижность.

Разбросав камни, из которых был сложен каирн, он поднялся во весь рост. Над головой его полыхали устрашающие огни северного сияния. Тело Седобородого Гримнира начало претерпевать чудовищные метаморфозы. Казалось, с лица его слетела маска, и оно постепенно утратило сходство с человеческим. Он стряхнул с себя латы, и они рухнули на землю, рассыпавшись в прах. Злокозненный дух мрака, свирепых морозов и льдов, которому некогда поклонялись сыны севера, давшие ему имя Один, предстал передо мной при свете звезд в ужасающей своей наготе. Над его страшной головой то и дело вспыхивали молнии и прокатывались сполохи северного сияния. Его исполинское, отдаленно походившее на человеческое тело, темневшее словно тень, излучало ледяной блеск; пугающие очертания головы и могучих плеч виднелись на фоне нависшего над ним небосвода.

Ортали издал истошный вопль и съезжился, когда уродливые когтистые руки потянулись к нему. В неясных, не поддающихся описанию чертах этого существа не было ни намека на благодарность к человеку, вызволившему его из темни-



цы, выражение его лица говорило лишь о чудовищном злорадстве и дьявольской ненависти ко всем представителям рода человеческого. Я увидел, как темная рука взметнулась вверх и нанесла удар. До меня донесся крик Ортали – душераздирающий вопль, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте. В то же мгновение фигуру его окутало ослепительно-яркое синее сияние, осветившее его искаженное лицо с закотившимися глазами, а затем его словно сбил с ног огромной силы электрический заряд, он рухнул на землю, и я услышал, как затрещали его кости. Впрочем, Ортали скончался прежде, чем завершилось падение; тело его скорчилось и почернело, как труп убитого ударом молнии человека, и впоследствии именно это было сочтено причиной его гибели.

Чудовище, прикончив Ортали, раззадорилось и тяжелой поступью двинулось туда, где стоял я. Раскинутые в стороны руки походили на темные щупальца, его единственный, утративший всякое сходство с человеческим глаз, в котором отражался бледный свет звезд, неистово сверкал, в движениях острых когтей сквозила мощь стихий, губительных для тела и души человека.

Но я не дрогнул перед ним. Ни его чудовищный облик, ни его способность повелевать огромными разрушительными силами уже не внушали мне страха. Перед глазами у меня словно промелькнула яркая белая вспышка, меня осенило, и я понял, почему Мэв Мак-Доннал, восстав из могилы, яви-

лась ко мне и передала мне старинное распятие, которое на протяжении трех столетий хранилось у нее на груди, впитывая незримые силы добра и света, извечно противостоявшие стихиям безумия и мрака.

Я извлек из-под складок одежды старинный крест и замер, почувствовав, как вокруг меня пришли в движение и вступили в борьбу друг с другом колоссальные, недоступные взору стихии. В этой битве я был лишь пешкой, крошечной фигуркой, сжимавшей в руке священную реликвию, являющуюся символом тех начал, которые издревле сдерживали натиск порождений мрака. Я поднял распятие повыше, и из него забил луч ослепительно белого, невыразимо чистого света. Казалось, сосредоточенные в нем могучие силы Добра обрушились на злобное чудовище, словно лучезарная стрела. Демон с громогласным рыком отступил и сник прямо у меня на глазах, а затем взмахнул огромными, как у стервятника, крыльями, взмыл в усеянные звездами небеса, игравшие сполохами призрачных огней, и начал удаляться, обратившись в бегство, дабы найти пристанище в глубинах мрака, породивших его Бог знает в какие незапамятные времена.